

О. В. Томберг
Екатеринбург, Россия

Враг и вражда в ценностном пространстве древнеанглийской литературы

Аннотация. Анализ аксиологического пространства национальной культуры включает в себя изучение ценностей и антиценностей определенного исторического периода. Антиценностные смыслы являются динамической категорией, их репрезентация в текстах культуры зависит от ряда факторов общекультурного и литературного характера. Целью настоящего исследования является определение специфики актуализации ключевой антиценности древнеанглийской культуры — концепта вражды — в имагологическом пространстве литературы, в системе художественных образов. В качестве методологической базы предлагаются следующие методы исследования: лингвостилистический, сюжетно-мотивный, коммуникативно-прагматический; контекстологический, концептуальный анализ. Концепт вражды репрезентирован образом врага, который представляет собой концентрацию антиценностных смыслов эпохи VIII–XI вв. н. э. Враг актуализирован тремя имагологическими типами: мифологическим чудовищем, врагом христианства, враги — исторические личности. Каждый из этих типов имеет конкретную жанровую принадлежность, при этом стоит отметить их диффузию и взаимовлияния. Стилистическая тональность образа врага является отрицательной, что проявляется в тропеической разработке образа. Речевая партия образа состоит из речевых жанров деструктивной прагматической направленности: меназива, упрека, прямого отрицательного приказа. Дидактический компонент картины мира религиозных жанров обуславливает наличие речевого жанра автоприговора в лингвоперсонологической разработке образа врага. На концептуальном уровне происходит реконструкция антиценностных смыслов. Враг ассоциируется с отрицательными ценностными концептами, восходящими к мифологической, героической и христианской картинам мира. Концептуальной доминантой являются антиценностные концепты христианского происхождения. Анализ внутреннего мира врага показал, что враг испытывает преимущественно отрицательные эмоции. Самым частотным чувством, ассоциированным с врагом, является страх. Ассоциативный фон данного концепта подчеркивает его антиценностную природу: контекстуальные отношения связывают страх с концептами ада, чудовища, греха. В заключении подчеркнуто, что образ врага — это попытка древнего человека всесторонне познать враждебный окружающий мир. Комплексный анализ образа позволяет представить его полную характеристику в древнеанглийской культуре, реконструировать спектр ценностных и антиценностных концептов, ассоциируемых с врагом, и описать специфику их трансформации в содержательном слое образа врага.

Ключевые слова: ценностные ориентации; антиценности; образ врага; литературные стили; речевые жанры; концепты; английская литература; древнеанглийская литература; вражда.

O. V. Tomberg
Ekaterinburg, Russia

Enmity and Enemy in Axiological Sphere of Old English Literature

Abstract. Research into axiological continuum of national culture includes a study of its values and anti-values typical of a certain historical period. Anti-values are a dynamic category, their textual representation is greatly influenced by a number of cultural and literary factors. The given research aims at defining peculiarities of enmity as a key anti-value of imagological sphere of Old English literature. It is argued that linguostylistic, plot — and — story, pragmatic, contextual and conceptual analyses constitute a methodological basis for the current research. Enmity as a cultural concept is represented by an image of enemy in VIIIth — XIth century English literature. Enemy is a complex image that constitutes three imagological types: mythological monster, enemy of Christianity, real-life enemy. Each of these types is marked by a specific genre nature. Their stylistic coloring is negative, verbal tropes are a means to reveal it. Speech portrait of the image is constituted by negative communicative genres: menace, reproach, direct negative order. A didactic component of Christian picture of the world predetermines a genre of self-accusation (self-verdict). Cultural values are reconstructed at the conceptual level of image analysis. Old English enemy is associated with anti-value concepts of mythological, heroic and Christian pictures of the world. The latter ones are prevalent. Inner state of the enemy is marked by negative emotions, a key emotion is fear. Its associative coloring emphasizes its anti-value nature: contextual relations tie fear with concepts of hell, monster, sin. The research concludes that an image of the enemy may be defined as an attempt of Old English mentality to comprehend a hostile world which surrounded ancient people. A complex analysis contributes to providing multi-faceted characteristics of the enemy, reconstruct its axiological highlights and describe a mechanism of their transformation in conceptual space of the enemy.

Keywords: value-based orientations; anti-values; image of an enemy; literary styles; speech genres; concepts; English literature; Old English literature; hostility.

Введение. Изучение ценностного пространства национальной литературы является важным средством выявления аксиологических ориентиров определенной исторической эпохи. В большинстве работ по аксиологии акцент делается на изучении положительных смыслов [Алефиренко 2010; Барышков 2009; Зинченко 2011; Гулыга 2000; Столович 1994 и т. д.]. Нам представляется, что важным аспектом изучения ценностного пространства культуры является также означивание отрицательных ценностей / антиценностей — наименований явлений / феноменов, которые являются неприемлемыми, отвергаемыми, осуждаются обществом и куль-

турой на определенном историческом этапе развития культуры [Байрамова 2011; Вдовиченко 2011; Георгиева 2008; Радбиль 2017; и др.]. Антиценность включена в ценностную систему культуры, располагаясь на ее другом, отрицательном полюсе. Так же, как ценность, она является динамической категорией, способна к процессам эволюции, инволюции и трансформации в различных исторических контекстах и дискурсивных пространствах.

Одной из ключевых отрицательных ценностей древнеанглийской культуры является концепт вражды. Вражда как психосоциальный феномен присуща человеческой природе в целом [Назаретян 2013].

Г. Зиммель определял вражду, наряду с симпатией, как основную форму человеческих отношений [Зиммель 2015: 265]. Это наиболее справедливо для древних культур, в которых взаимоотношения групп почти всегда были враждебны. При этом важным аспектом такой межплеменной вражды было расширение связей: «каждая из групп в целом равнодушна к другой, покуда длится мир, и лишь во время войны они обретают друг для друга активную значимость» [Зиммель 2015: 268].

Концепт вражды осмыслен всесторонним образом в древнеанглийской культуре. Это один из самых номинативно плотных концептов, его ядерная зона конституируется 20 лексемами, каждая из которых репрезентирует определенную грань этого концепта. Спектр этих граней широк и включает в себя:

– эмоционально-чувственное осмысление вражды — акцент на негативных эмоциях злости, гнева и зависти, которые приводят к вражде: *anda, niþ, gnyrnwraсу*;

– временной аспект — акцент на длительности вражды: *sinniþ*;

– качество и степень — акцент на абсолютном отрицательном характере вражды. Имплицитными со-значениями этих лексем являются такие характеристики вражды, как ‘смертельная’, ‘ужасная’: *nearufáh, niðhete, fæhþ, wælniþ*;

– этимологические соотнесения с антиценностными смыслами мести (*gnyrnwraсу*), конфликтов (*widerweardnes, unþwære*), отсутствия мира (*unfrið*), предательства (*searuniþ*), преступления (*wroht*), вреда (*teona*), обмана (*inwidda*).

Расширение концептуального поля вражды за счет развития образного и ценностного компонентов концепта происходит во фразеологическом и дискурсивном фонах древнеанглийской культуры.

Одним из поэтических репрезентантов общекультурного концепта вражды является образ врага, который актуализирует второй элемент концептуальной диады «свой — чужой». В древнеанглийской культуре мир «своих» — это разветвленная система кровно-родственных отношений, единоверцев, представленная в литературе образами народного Героя, короля / королевы, воина, Бога, христианских святых, возлюбленной / жены. «Свои» репрезентируют положительные концептуальные смыслы эпохи и воплощают разные стороны героического или христианского идеала. Иноплеменники всегда сохраняли определенную степень «чужести», даже в случае прибытия к дружественному племени для оказания ему помощи («Беовульф»).

Мир «чужих» — это мир враждебных «своим» персонажей, в структуре произведения их можно определить как антагонистов. Несмотря на достаточно широкую разработанность персонажного репертуара сферы «чужих», все они относятся к одному имагологическому типу — образу врага, который является единственным отрицательным образом древнеанглийской литературы.

Целью исследования является выделение уровней и установление специфики репрезентации ценностных и антиценностных смыслов в простран-

стве образа врага как аксиогенного центра поэтической лингвокультуры Британии периода VIII–XI вв.

Ценностная маркированность образа актуализирована номинативными и коннотативными средствами языка. К первому виду относится номинация ценностей через лингвокультурные концепты, которые актуализируют ценности и антиценности национальной культуры, релевантные для развития художественного образа. Ко второму виду относится содержание и характер ассоциативных связей образа. Образ живет в пространстве человеческого сознания, погружаясь в нем в новый контекст, в котором особая роль отводится реорганизирующим картину мира ассоциативным отношениям, по этой причине с лексемой *образ* сочетаются слова эмоционально-оценочной семантики [Арутюнова 1999: 318]. Оценочность / коннотация репрезентирована в языковой ткани образа, прежде всего, в стилистической тональности образа — в выборе определенных средств его актуализации, в ассоциативных и контекстуальных связях репрезентирующих образ лексем.

Методы исследования включают в себя лингвостилистический анализ; сюжетно-мотивный анализ; коммуникативно-прагматический анализ речевых жанров; контекстологический анализ; концептуальный анализ. Совокупной целью применения данных видов анализа является комплексная характеристика образа врага на всем корпусе древнеанглийских поэтических текстов.

Обсуждения и результаты. В структурном отношении образ врага — это гетерогенный образ, он имеет различные персонажные репрезентации в соответствии с жанровыми картинами мира произведений, в которых он актуализирован. В целом можно выделить три жанровых разновидности данного образа:

- враги хтонической природы: драконы, змеи, чудовища. Данный тип врага репрезентирован в жанре героического эпоса («Беовульф») и представлен персонажами Гренделя, его матери, морских чудовищ, огнедышащего дракона. Они соответствуют наиболее древней мифопоэтической картине мира, в рамках которой их символическое значение было связано с темами хаоса и разрушения. Древние чудовища были врагами человечества, обитали в нижнем мире (подземный мир и водная стихия) и переходили эту границу (*mearcstara*), чтобы попасть в мир людей (*middangeard*). Исключение составлял Дракон — собирательный образ мифологического животного, объединявший в себе четыре сферы, которые представляли для древнего человека все мировое пространство: три основных мира (верхний, средний и нижний) и стихию огня. Дракон является самым опасным для Героя, схватка с ним является финальным боем, символизирующим всю квинтэссенцию северной концепции героизма — идею непреклонной воли и исключительного мужества. Герои, как боги, находятся на правой стороне, но эта сторона и терпит поражение. Побеждает сторона Хаоса и Безумия [Толкин 2008: 32–33; Шарикова 2013: 215].

Аксиологическое значение врага — мифологического чудовища распространяется на судьбу всего народа. Для древнего человека такое чудовище символизировало весь мир, настроенный враждебно и

таящий в себе много опасностей, а победа над таким врагом имела значение для всего человечества, она утверждала «веру в то, что человек способен получить желаемое» [Шарикова 2013: 218];

- враги религиозного происхождения: Сатана / дьявол, его слуги, язычники. Этот тип врага представлен в религиозных жанрах: религиозном эпосе (напр., «Андрей», «Юлиана», «Юдифь», «Исход», «Бытие»), религиозной поэзии (напр., «Кит», «Христос и Сатана», «Христос»). Сатана / дьявол и его слуги — падшие ангелы совращают и губят души. Эти персонажи связаны с ветхо- и новозаветной тематикой — идеями предательства, искушения, грехопадения человека. Этот образ максимально раскрыт в жанре религиозного эпоса, где он представляет собой антагониста Бога или христианского святого. Образы врагов — язычников связаны с темами насилия, распутства, жестокости, гонения на христиан. Этот тип врага репрезентирован язычниками Олоферном из поэмы «Юдифь», Хелисием и Африканусом из поэмы «Юлиана», королем Мермедонии из поэмы «Андрей» (последний в конце поэмы, под влиянием святого Андрея, крещением обращается в христианство).

В древнеанглийской поэтической традиции можно наблюдать процесс диффузии первого и второго типов врагов: мифопоэтическая концепция врага явилась основой разработки образа Сатаны. Наиболее иллюстративно данная связь наблюдается в аллегорической поэме «Кит» («The Whale»), в которой трактовка Сатаны интегрирована в канву бесстиария о гигантском ките, заглатывающем души грешников — мореплавателей, отступающих от заповедей Бога. Грешники пропадают в огромной пасти кита, символизирующей ад. Подобный животный образ Сатаны восходит к ранней мифопоэтической картине мира — кит и дракон являются существами с одинаковой семантикой и символическим значением [Проскурин, Проскурина 2017].

Обратный процесс — влияние христианской картины мира на традиционные мифопоэтические образы можно проиллюстрировать диффузией их способов номинации, при которой религиозные концепты являются компонентами кеннингов мифопоэтических чудовищ. Такими компонентами являются понятия греха (*synscaþa*, *sinnum beswenced*, *fyrena hyrde*), ада (*helle hæfton*, *feond on helle*), язычества (*feond hæþene*), Каина (*Cain synne*);

- враги исторического характера: предводители и воины враждебных англосаксам племен, чаще всего невымышленные исторические личности. Этот тип врага репрезентирован в героических песнях и героических элегиях («Битва при Мэлдоне», «Битва при Финнбурге», «Вальдере»).

Изоморфизм аксиологической значимости всех трех типов врага в древнеанглийской поэзии можно определить следующим образом: все они являются антагонистами сюжетного действия и способствуют раскрытию нравственных качеств героев. При этом максимальная степень раскрытия идеала героя достигается при эпическом конфликте с мифологическим врагом — чудовищем, который «коррелирует со всеми возможными отношениями, выражаемыми

образом-символом: «человек — окружающий мир», «человек — ценность», «человек — человек» [Шарикова 2013: 218].

Отрицательная коннотация образа врага актуализируется на всех стилистических уровнях. Прежде всего, мотивно-сюжетная разработка образа: враг является единственным носителем отрицательных сюжетных действий, при этом каждый из типов врага выполняет определенные, только ему присущие, сюжетные функции. Враг — чудовище нападает и уничтожает воинов. Враг — дьявол / Сатана искушает и совращает души. Враг — захватчик нападает на земли англосаксов.

Отрицательная тональность образа репрезентируется обилием тропов негативной коннотации: эпитетов, кеннингов, перифраз. Наиболее частотными качествами, составляющими их денотативную основу, являются следующие:

Жестокость / злость / ярость: *wrað*, *grim*, *stercedferhðe*, *heora hearran*, *gebelgen*, *ferþgrim*, *stiðmod*, *gebolgen*.

Страх / ужас, горе: *gryre*, *brogan*, *atol*, *dreorig*, *sceohmod*

Изгнание, отверженность: *wræc*, *wrecca*, *ond-saca*, *wineleas*

Темнота: *peostre*, *sweart*, *deorc*

Проклятие: *fæge*, *awyrghda*, *wergan*

Грех: *syn*, *firen*

Спесь, высокомерие: *swiðmod*

Опасность / угроза: *frecen*, *beo*

Преступление: *fah*, *wroht*

Заговор: *searucraeft*, *hycgan*

Ничтожество: *earn*, *earmsceapen*

Безнравственность / распутство: *forhatena*, *unclæne*

Чуждость, неродственность: *uncuþ*, *unmæge*

Обреченность: *fæge*, *forscrifen*

Ненависть: *lað*, *nif*

Причинение вреда: *leodscaþa*

Смерть: *deap*

Ад: *helle*

Язычество: *hæþen*

Чудовище, монстр: *fifel*, *fifelcyn*

Неверие: *wærleas*

Данные отрицательно-оценочные лексические группы конституируют лексический каркас образа. «Сквозными» характеристиками, свойственными всем трем типам врагов, являются семантические сферы 'язычество', 'ад', 'смерть / убийство', 'ужас / страх', 'обреченность', 'ненависть'.

При этом стоит отметить высокую концентрацию негативных характеристик в пределах одного контекста. В частности, пример *him andsweradan atole gastas, swarte and synfulle, susle begnornende* (Christ and Satan 51–52) иллюстрирует сочетание семантических сфер «ужас» (*atol*), «темнота» (*sweart*), «грех» (*synfull*). В следующем примере соотнесены сферы «ненависть» (*wraþ*), «грех» (*firen*, *syn*), «распутство» (*unclæne*), ср.:

Eala, þær we nu magon wraþe firene geseon on ussum sawlum, synna

wunde, mid lichoman leahtra gehygdum, ealum unclæne ingeþoncas! (Christ 1312–1315)

Или, например, в другом контексте соотнесены сферы ‘преступник (*sceaðona*), ‘дьявол’ (*deofol*), ‘ненависть’ (*dædhata*, *niþ*), ‘неизвестность’ (*uncuð*), ‘вред’ (*hynð*), ‘убийство’ (*hrafyl*), ср.:

... þæt mid Scyldingum *sceaðona* / *ic nat hwylc, deogol*
dædhata, deorcum nihtum
eawed þurh egsan uncuðne nið, hynðu ond hrafyl
(Beo 274–277)

Данный стилистический прием, восходящий к архаичной традиции орнаментальности поэтической речи, усугубляет негативную трактовку образа, делая врага носителем многих антиценностных качеств одновременно, которые относятся к различным культурно-хронологическим пространствам. В частности, лексемы ‘адский’ (*helle*, *on helle*) ‘грешный’ (*syn*, *firene*), ‘языческий’ (*hæþen*), восходящие к религиозной картине мира, являющиеся частотными при изображении врага-чудовища и врага-захватчика, ср.:

... *oððæt an ongan fyrene fremman feond on helle* (Beowulf 99–101);
Feallan sceolon hæþene æt hilde
(The Battle of Maldon 54–55).

Частотной характеристикой врагов-чудовищ являются атрибутивные и номинативные сочетания на основе антиаксиологемы ветхозаветного происхождения *Cain*, вплоть до свернутого сюжета об убийстве Авеля Каином:

... *siþðan him scyppend forscriften hæfde in Caines cunne. þone cwealm gewræc*
ece drihten, þæs þe he Abel slog. (Beo 106–107)

Лексема *aglæca* (a monster, fierce combatant [Bosworth & Toller]) обозначает чудовище и восходит к архаичной мифопоэтической картине мира. Враг христианской этимологии Сатана маркируется данной лексемой: ... *sceaðan hwearfedon, earne æglecan, geond þæt atole scref, for ðam anmedlan þe hie ær drugon* (Christ and Satan 72–74). Аллитерация *aglæca* — *atolan* актуализирует архаичную мифопоэтическую семантику врага как чудовища (*aglæca*), вызывающего необъяснимый, иррациональный страх (*atolan*).

Героическая картина мира также отражена в характеристике врагов-чудовищ и врагов христианства. В их стилистической разработке участвуют аксиологемы национальной героики — война, битва (*guf*), армия (*here*), воин (*rinc*), ср.: *to ðæs þe he on ræste geseah gudwerigne Grendel licgan alдорleasne* (Beo 1585–1587); *Ahlog þa se hererinc, hospwordum spræc ...* (Juliana 189).

Общий коннотативный фон образа отражен в его лингвоперсонологической характеристике. Доминантными жанрами речевой партии врага являются жанры негативной прагматической направленности: менасив, упрек и приказ. Жанр приказа актуализирован в рамках ветхозаветного сюжета о поведении Адама и Евы к совершению первородного греха; к выполнению приказов Сатаны и язычников, адресованных святым. Категоричность этих приказов реализуется посредством глаголов долженство-

вания (*sculon*, *willan*), повелительного наклонения. Высокая степень побудительности может актуализироваться восклицательными предложениями, ср.:

Geswic pisses setles! (Guthlac 278);
Æt pisses ofetes! þonne wurðað þin eagan swa leoht þæt þu meaht swa wide ofer woruld ealle geseon siððan ...
(Genesis 564–566);
Nu þu in helle scealt deope gedufan ...
(Guthlac 582–589).

Менасив актуализирован в речи врага христианства как наказание за непослушание. Святому Гутлаку Сатана угрожает адом, голодом и дикими зверями; Юлиане отец угрожает пытками и страданиями за ее неповиновение и нежелание выйти замуж за язычника Элисия. Угроза реализуется преимущественно в рамках условного наклонения (*gif*) и представляет собой развернутое описание испытаний, которые придется преодолеть святым, если они не повинуются. При описании этих испытаний преобладают оценочные лексемы, которые представляют собой традиционные библейские наказания: голод и жажда (*hungor ond þurst*), ад (*helle*), смерть от диких животных (*þurh deora gripe deape .. , wilde deor*), смертельные мучения (*witebroga*):

þe þa lean sceolan wiþerhyccendre, witebrogan,
æfter weorþan, butan þu ær wiþ hi gefingige ...
(Juliana 195–200)
Ne þec mon hider mose feded; beoð þe hungor ond þurst
hearde gewinnan,
gif þu gewitest swa wilde deor ana from eþele.
(Guthlac 274–277)

Одним из доминантных жанров речевого портрета врага христианства является обвинение / упрек. Адресатом обвинения являются святые (святой Гутлак, святая Юлиана), христиане, сам Сатана. Обвинение нередко актуализируется в жанровом синтезе — например, с угрозой. Многие случаи актуализации обвинения представляют собой развернутые сценарии, их хронотопом является настоящее (обвинения христиан в неискренности веры; обвинение Юлианы в непокорности) и прошлое (обвинение Сатаны в восстании против Бога).

Склонность врага — Сатаны к психологической рефлексии отражена в жанре жалобы. Содержательно жалоба представляет собой рефлексии на развернутый ветхозаветный сюжет изгнания из рая, она проникнута эмоционально окрашенной тональностью и реализуется в виде противопоставления «до — после»: мир рая, отмеченный любовью Бога (*dryhtene deore*), противопоставлен аду как бездне (*neowlan grund*), лишенной славы (*ne worulde dream*), пиров (*wloncra winsele*), радости (*ne ængla ðreat*).

Прагматический посыл жалобы во многом определяется желанием средневековых авторов показать изнутри весь ужас ада и его обитателей. Вероятно, одно из жанровых заданий христианских поэм можно определить как дидактическое: на примере врагов христианской церкви, через описания ужасов нижнего мира и страданий его обитателей раннесреднеанглийские клирики стремились объяс-

нить и привить публике христианские каноны послушания и безгрешия:

Forþan sceal gehycgan hæleða æghwylc þæt he ne abælige bearn waldendes.

Læte him to bysne hu þa blacan feond for oferhygdum ealle forwurdon. (Christ and Satan 193–196)

(Therefore must every human think how not to provoke the Child of the Wielder. Let him take as an example how the dark fiends were entirely overcome for their over-pride)

Подобный дидактический посыл эксплицирован жанром автоприговора, его содержательная особенность заключается в определении врагами наказания за свои деяния и согласия с ним. На языковом уровне этот жанр маркирован оценочными лексемами, экспрессивным синтаксисом (напр., анафорическими модальными и восклицательными конструкциями):

Nu is gesene þæt we syngodon uppe on earde. *Sceolon* nu æfre þæs

dreogan domlease gewinn drihtnes mihtum. *Hwæt*, we in wuldres wlite wunian *moston*

þær we halgan gode heran woldon, and him sang ymb seld secgan *sceoldon*

þusendmælum. Ða we þær wæron, *wunodon* on wynnum, geherdon *wuldres sweg*,

beman stefne.

(Christ and Satan 228–236)

"Eala drihtenes brym! Eala duguda helm!

Eala meotodes miht! Eala middaneard! Eala dæg leohta!

Eala dream godes!

Eala engla þreat! Eala upheofen!

(Christ and Satan 163–166)

Лингвистической доминантой этого речевого жанра является высокая концентрация христианских аксиологем: номинации Бога (*Dryhten*, *duguda helm*, *Meotod*, *God*), рая (*upheofen*, *heofon*), божественной славы (*drihtenes brym*), англов (*engla þreat*), вечности (*ece*), света (*beorht* / *byrht*). Анафора восклицательных междометий (напр., 'eala' (alas! Oh!)) повышает эмоциональность речи Сатаны и вписывают ее в стилистические каноны героической поэзии (рекуррентным героическим восклицанием было междометие *Hwæt!* (What! ah!)).

Аксиологическое пространство культуры наиболее иллюстративно представлено в концептуальном слое образа. Наиболее значимые для образа концептуальные смыслы репрезентированы в ядерной зоне концептуального пространства образа — в концептах, отраженных в его прямых номинациях (именах). В ней нашли отражение концепты, восходящие к ценностным картинам мира:

– **христианства**. Христианство представлено ветхозаветными именами, которые соотнесены как с отрицательными, так и с положительными ценностями. Отрицательные ценности представлены в именах Сатаны, который имеет этимологические связи с концептами клеветы / обвинения [Зонди 2013: 22]. Еще одной версией трактовки этого имени является значение «гневный»: в частности, Л. Зонди считает, что имя трактуется как 'ненавидящий', «ибо он ненавидел и своих сестер, и материнское лоно, из которого он вышел, и поэтому и назвал его Адам Каинном» [Зонди 2013: 23–24].

С положительными ценностями соотнесено имя Элисеуса, отрицательного персонажа из поэмы «Юлиана». Это имя происходит от древнееврейского имени Элиша и означает 'Бог – спасение';

– **англосаксонские номинации германской этимологии**. Имя чудовища Гренделя восходит к древнеанглийской лексеме *grindan* [Hill 2002: 139]: *to grind*, *grind together*, *rub*, *rub together* [Bosworth & Toller] — размалывать, крушить. Таким образом, концепт 'насилие' / 'смерть' входит в ядерную зону образа врага;

– **скандинавские имена, восходящие к эпохе вторжения викингов**. Единственным названным по имени является фризский король Финн из «Битвы при Финнсбурге». Его имя происходит от древнескандинавского слова 'finnr' — «лопаль, лапландец, представитель народа саами», которое связано с названием одного из племен викингов. Концепт 'викинг' также является конституентом ядерной зоны образа врага.

Соответственно, наиболее значимыми для образа врага являются ценностный концепт Бога и антиценностные концепты клеветы, ненависти и викинга.

Концепты околоядерной зоны детализируют систему антиценностей, связанных с образом врага. Многие из них восходят к различным картинам мира: мифопоэтической, героической и христианской. Наиболее номинативно плотными являются концепты злости (*fah*, *gealgmod*, *stíþmóða*, *scinsceaþa*, *hygewælm*, *grama*, *gym*), дракона (*wyrm*, *nædre*, *hringboga*, *draca*, *ligdraca*, *wid-floga*), убийства (*bona*, *wælgæst*, *ondwis*, *ferhþbana*, *cwealmes wyrhta*), вреда (*sceaþa*, *hearm-sceaþa*, *wamm-sceaþa*, *mansceaða*); концепты ненависти (*nip gæst*, *lād-gewinna*, *teonhete*), страха / ужаса (*atol*, *gryre-gæst*, *gryrefah*, *egsan geaclad*), моря (*brimlipende*, *brimman*, *sæman*, *flota*, *brimwylf*), преступления (*man*, *firen*, *firendæd*, *firenfull*), греха (*unclæne*, *syn*, *synsceaþa*, *synnig synn*, *synwræcu*), ада (*helldeófol*, *hellegast*, *helle-sceaþa*), изгнания (*angenga*, *wrecca*, *wræclast*), чудовища (*æglæca*, *eoten*).

Враг актуализируется в древнеанглийской литературе с различных сторон, что обусловлено синтезом картин мира, культурных и сюжетных сценариев развития образа. К последним относятся модели мотивно-сюжетной разработки образа, которые обуславливают особенности не прямых номинаций врага. Бывают такие случаи, что один и тот же концепт номинирует два противоположных по аксиологической маркированности образа. Например, концепт «судья» (*dema*, *gerefa*) является типичным репрезентантом образа Бога в англосаксонской культуре. В этом случае ассоциативный слой концепта связывает его с ключевыми аксиологемами раннехристианской культуры — слава, благословение, доброта, вера, защита:

Ne wolde þæt *wuldres dema* geðafian, *þrymmes* hyrde,
ac he him þæs ðinges gestyrde,
dryhten, *dugeða waldend*.

(Judith 59–61)

Hi ða se hehsta *dema* ædre mid elne onbryrde, swa he deð anra gehwylcne

herbuendra þe hyne him to *helpe* seceð mid *ræde* ond mid *rihte geleafan*. (Judith 94–97)

Ealra *démena* ðam *gedéfestan*...
(The Holy Gospels 350)

В образе врага данный концепт обусловлен сюжетной ролью врага-язычника: склоняющий Юлиану к браку Элисеус вершит суд над непослушной невестой, приговаривая ее к смерти. Ассоциативный слой концепта «судья» в образе врага погружает его в иное ценностно-коннотативное пространство, связывая с концептами жестокости (*gealgmod*, *hrehoh*, *hygegrim*), обреченности (*domsetle*), язычества (*hæpen*), обвинения / проклятия (*talan*), зверя / чудовища (*wilde deor*), убийства (*bineotan*, *sweordbite*):

ða se *gerefa* het, *gealgmod* guma, *Iulianan*
of þam engan hofe ut *gelædan* on hyge halge *hæpnum* to
spræce
to his *domsetle*.

(Juliana 530–534)

Þa se *dema* het *aswebban sorgcearig* þurh *sweordbite*
on hyge halge, *heafde bineotan* *Criste* *gecorene*.

(Juliana 602–605)

Как и в случае с другими образами, наблюдается высокая плотность концептуальных характеристик врага в рамках одного микроконтекста, при котором происходит сопряжение нескольких концептуальных областей. Эти концептуальные области репрезентируют антиценностное пространство древнеанглийской культуры. Например, в следующем примере контекстуальная валентность непрямых номинаций врага эксплицирует связь концептов 'грех' (*synsceaþa*), 'победа' (*sigor*), 'рок' (*dom*), 'мечь' (*wræccan*), 'гнев' (*tor*), 'безжалостность' (*stip*), 'убийство' (*slean*):

Þa he *gebolgen* *weard*, *besloh synsceaþan* *sigore* and
gewealde,
dome and *dugeðe*, and *dreame* *benam* his *feond*, *frido*
and *gefean* *ealle*,
torhte *tire*, and his *tor* *gewræc* on *gesacum* *swide* *selfes*
mihtum
strengum stiepe.

(Genesis 54–60)

В речевом портрете концентрация антиаксиологом разворачивается в референции к человеку, Сатане и аду как месту, куда враги христианства были посланы Богом. Сатана оценивается в антиценностных категориях одним из его слуг, посланных разубедить святую Юлиану в христианской вере и обратить в слугу Сатаны (Juliana 328–337). При этом сам Сатана концептуализируется через понятия страха (*egesful ealdor*), жестокости (*ne biþ us frea milde*), греха (*synna fruma*), зла (*yfel*), насилия (*þracu*, *swingan*, *sarslege*), огня (*bælwylme*).

Люди концептуализируются Сатаной через понятия гордыни и высокомерия (*oferhygd*), жадности (*ne þec mon hider mose feded; hungor ond þurst*), глупости (*dol*), плотских желаний (*lichama*), неискренности (*mipan*, *dogle*).

Еще одной доминантной концептуальной темой является тема греха / преступления, которые Сатана и слуги Сатаны совершают против истинных

христиан (*soðfæst*). Эта группа является номинативно плотной и частотность репрезентирующих ее лексем в речевой партии образа очень высока. Она включает компоненты «сворачивание» (*oncirran*, *ahwyrfan from halor*, *mirrelse*), «обман» (*misgedwild*), «несчастье» (*eadgiefe anforlæton*), «жестокость» (*grimra geþonca*), «ересь / заблуждение» (*dyrnra gedwilda*, *gedwolen*), «насилие» (*fotum afyllan*, *breodwian*, *tregian*, *tirgan*, *toberan*, *blodgian*), «вожделение» (*modes gælsan*, *lust*, *georn*), «плотские желания» (*lichoman*), «вражда» (*fæhþ*), «братоубийство» (*broðorcwealm*), «плод» (*ofet*, *wæstm*).

В тематической группе «деяния врага» доминируют концепты:

- насилия: *scufan*, *besmitan*, *tucian*, *bregdan*, *gefeormian*, *sleán*, *swelgan*
- мучения: *þrowian*, *swencan*, *torncwide*
- казни: *aswebban*, *sweordbite*, *heafde bineotan*, *sweordslege*
- ссоры / мятежа: *gewin*, *wrohte onsteallan*
- ярости / неистовства: *teran*, *grennian*, *gristbitian*, *gewite swa wilde deor*
- битвы / схватки: *færgripe*, *hradian*, *grap*, *fyrðhom*, *feng*, *guð*, *wælstow*
- лжи / обмана: *lyge*
- распутства: *styrman*, *gylian*, *hlynian*, *dynian*, *hlydan*, *drencan*, *wine*, *oferdrencen*
- угрозы: *sarstæf*, *sægen*, *gehatan*
- убийства: *ofslean*, *cwellan*
- искушения / соблазнения: *forlacan*, *laðan onfeng*

Описание эмоций, чувств, рефлексии персонажей на сюжетные события и действия является характеристикой внутреннего мира врага. Анализ примеров позволяет сделать следующие выводы. Враг испытывает преимущественно отрицательные эмоции. Самым частотным чувством врага является чувство страха. Этот вид страха не является положительным страхом — богобоязнь. Враг испытывает отрицательно маркированные виды страха: от обитания в аду, страх поражения более сильным соперником, страх от совершенного им злодеяния. Ассоциативный фон данного концепта подчеркивает его антиценностную природу: контекстуальные отношения связывают страх, который испытывает враг, с концептами ада, чудовища, греха, моря (репрезентирует идею побега по морю после совершенного злодеяния).

Единственным положительным чувством, которое испытывает враг, является чувство счастья. Концепт счастья наделен христианскими смыслами — падшие ангелы испытывают счастье от встречи с Богом, а несчастье для Сатаны трактуется христианскими клириками как обреченность жить в аду, невозможность снова увидеть лицо Бога:

Blis *weard* *monnum* þa hi *hælendes* *heafod* *gesawon*.
(Christ and Satan 380–381)

Все эмотивы в образе врага раскрываются на фоне отрицательных концептов, которые образуют референциальную основу испытываемых врагом эмоций. Это концепты ада, дьявола, греха, насилия, смерти, ужаса, проклятия.

Выводы. Анализ образа врага позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, враг репрезентирован с различных сторон и в различных типовых манифестациях: враг-чудовище, враг христианства, враг-захватчик. Стилистическая разработка образа отличается тщательной проработкой: ее денотативной основой являются более двадцати характерологических особенностей врагов, описывающих их внутренние качества и внешние деяния. На концептуальном уровне данная тенденция находит дальнейшее воплощение: концептуализация врага с точки зрения «внутреннего» и «внешнего» человека происходит на всех уровнях имагологического контекста. Это позволяет сделать вывод о детальности проработки образа, о стремлении архаичного мышления максимально объяснить и познать сферу непонятого / незнакомого, «чужого». Образ врага более интериоризован, его основными качествами являются злость, жестокость, ненависть, гордыня, распутство — они репрезентированы на всех уровнях анализа образа и структуры имагологического контекста.

Во-вторых, все характеристики и концептуальные доминанты образа представляют собой антиценности данного периода. Некоторые аксиологемы героической эпохи (например, гордость) репрезентированы в образе врага как антиаксиологемы (гордыня как основа конкуренции с Богом) и разворачиваются в ином ассоциативном контексте. В целом можно отметить широкую палитру репрезентирующих врага концептуальных областей, что обусловлено рядом факторов. Сплав мифопоэтической, героической, христианской картин мира обуславливает не просто синтез восходящих к ним ценностей, но их диффузию в имагологическом пространстве. При этом наиболее значительным оказывается влияние христианской картины мира: христианские антиаксиологемы доминируют при репрезентации врага, в том числе врага — мифологического чудовища и врага — викинга.

В-третьих, в осмыслении врага очень сильна чувственная составляющая и иррациональный первобытный страх перед враждебностью окружающего мира. Наиболее рекуррентными и номинативно плотными являются концепты злости, ненависти, страха / ужаса. Враг — это порождение эмоции страха. Антиценностный и деструктивный характер этого страха подчеркнут ассоциативными контекстуальными связями с концептами чудовища, убийства, греха. Враг лежит за пределами понимания древнего человека, а его образ представлен в единственной перспективе — антиценностной.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
- Барышков В. П. Аксиология: учебное пособие. — Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. — 65 с.
- Байрамова Л. К. Аксиологический фразеологический словарь русского языка. Словарь ценностей и антиценностей. — Казань: Центр Инновационных Технологий, 2011. — 360 с.
- Вдовиченко Л. В. «Порядок» и «Беспорядок» как ценность и антиценность в политическом дискурсе России и США // Политическая лингвистика. — 2010. — Вып. 3. — С. 57-61.

Георгиева О. Н. Ценности и «антиценности» французской и русской лингвокультур как базовые единицы аксиологической картины мира [Электронный ресурс] // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2008. — № 2 (8) — С. 126–130. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/tsennosti-i-antitsennosti-frantsuzskoy-i-russkoy-lingvokultur-kak-bazovye-edinitsy-aksiologicheskoy-kartiny-mira>

Гулыга А. В. Эстетика в свете аксиологии. Пятьдесят лет на Волхонке. — СПб.: Алетейя, 2000. — 447 с.

Гримм Я. Немецкая мифология. Глава XXXIII. Дьявол [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://folk.phil.vsu.ru/publ/sborniki/afsb9_nesterova.pdf (дата обращения: 02.09.2018).

Зиммель Г. Избранное: Проблемы социологии. — СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. — 416 с.

Зинченко В. П. Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. — 2011. — № 8. — С. 85–98.

Зонди Л. Каин. Образы зла. — Литагент «Когито-Центр», 2013. — 158 с.

Мельникова Е. А. Меч и лира. — М.: Мысль, 1987. — 203 с.

Назаретян А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 256 с.

Проскурин С. Г., Проскурина А. В. Культурные трансферы и тексты. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2017. — 176 с.

Радбиль Т. Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. — М.: Языки славянской культуры, 2017. — 592 с.

Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии. — М.: «Республика», 1994. — 464 с.

Толкин Дж. Р. Р. Чудовища и критики. — Москва: АСТ, 2008. — 413 с.

Шарикова Л. А. Гетерогенность образа-символа дракона в германском мифомире // Сибирский филологический журнал. — 2013. — № 1. — С. 212–219.

Bosworth J., Toller T. N. Anglo-Saxon Dictionary. — Oxford, 1882–1898. — 1100 p.

REFERENCES

- Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka. — M.: Yazyki russkoy kul'tury, 1999. — 896 s.
- Baryshkov V. P. Aksiologiya: uchebnoe posobie. — Saratov: Izdatel'skiy tsentr «Nauka», 2009. — 65 s.
- Bayramova L. K. Aksiologicheskij frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka. Slovar' tsennostey i antitsennostey. — Kazan': Tsentr Innovatsionnykh Tekhnologiy, 2011. — 360 s.
- Vdovichenko L. V. «Poryadok» i «Besporyadok» kak tsennost' i antitsennost' v politicheskom diskurse Rossii i SShA // Politicheskaya lingvistika. — 2010. — Vyp. 3. — S. 57-61.
- Georgieva O. N. Tsennosti i «antitsennosti» frantsuzskoy i russkoy lingvokul'tur kak bazovye edinitsy aksiologicheskoy kartiny mira [Elektronnyy resurs] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie. — 2008. — № 2 (8) — S. 126–130. — Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/v/tsennosti-i-antitsennosti-frantsuzskoy-i-russkoy-lingvokultur-kak-bazovye-edinitsy-aksiologicheskoy-kartiny-mira>
- Gulyga A. V. Estetika v svete aksiologii. Pyat'desyat let na Volkhonke. — SPb.: Aleteyya, 2000. — 447 s.
- Grimm Ya. Nemetskaya mifologiya. Glava XXXIII. D'yavol [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: http://folk.phil.vsu.ru/publ/sborniki/afsb9_nesterova.pdf (data obrashcheniya: 02.09.2018).
- Zimmel' G. Izbrannoe: Problemy sotsiologii. — SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. — 416 s.

Zinchenko V. P. Tsennosti v strukture soznaniya // Voprosy filosofii. — 2011. — № 8. — S. 85–98.

Zondi L. Kain. Obrazy zla. — Litagent «Kogito-Tsentr», 2013. — 158 s.

Mel'nikova E. A. Mech i lira. — M.: Mysl', 1987. — 203 s.

Nazaretyan A. P. Antropologiya nasiliya i kul'tura samoorganizatsii: Ocherki po evolyutsionno-istoricheskoy psikhologii. — M.: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2012. — 256 s.

Proskurin S. G., Proskurina A. V. Kul'turnye transfery i teksty. — Novosibirsk: Izd-vo Novosib. gos. un-t, 2017. — 176 s.

Radbil' T. B. Yazyk i mir: Paradoksy vzaimootrazheniya. — M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2017. — 592 s.

Stolovich L. N. Krasota. Dobro. Istina: Ocherk istorii esteticheskoy aksiologii. — M.: «Respublika», 1994. — 464 s.

Tolkin Dzh. R. R. Chudovishcha i kritiki. — Moskva: AST, 2008. — 413 s.

Sharikova L. A. Geterogennost' obraza-simvola drakona v germanskom mifomire // Sibirskiy filologicheskiy zhurnal. — 2013. — № 1. — S. 212–219.

Bosworth J., Toller T. N. Anglo-Saxon Dictionary. — Oxford, 1882–1898. — 1100 p.

Информация об авторе

Ольга Витальевна Томберг — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51.

E-mail: olgatomborg@yandex.ru.

About the author

Olga Vitalyevna Tomberg — Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages and Translation, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).